

ПОЛИТИКА СИЛЫ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ МУССОЛИНИ (1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)

В отечественной историографии практически неразработанной является тема политической и военной стратегии государств с позиции силы в межвоенный период и места фашистской Италии в международном балансе сил. Еще менее изученной является тема военного планирования в фашистской Италии в контексте европейского динамичного баланса сил в период между двумя мировыми войнами.

Возможности по-новому взглянуть на динамику политических сил в межвоенный период открываются по мере разработки современных военно-политических и политических теорий военной стратегии, военных институтов и баланса сил⁵⁸.

В итальянской историографии изучению военно-стратегического планирования Италии в 1920–30-х гг. уделено значительное внимание. Прежде всего, это касается документов и исследований, изданных военно-историческим отделом сухопутных сил⁵⁹, трудов таких исследователей как Л. Чева, Ф. Миннити, Джискар Роша и др.⁶⁰

Вплоть до Первой мировой войны стратегия великих держав и военные планы не различались между собой. Задачей военных планов был выбор способов, руководствуясь которыми армия и флот должны были выстроиться таким образом, чтобы завоевать преимущество перед потенциальным противником и нанести ему поражение или защититься от него. После первой мировой войны произошли серьезные изменения в выработке военной стратегии. Появились такие понятия как «оперативные планы», которые связывали военные вопросы с мобилизационными планами, с периодами начала подготовки к военной кампании. Эти и другие мероприятия увязывались в так называемой «большой стратегии», т.е. в комплексном военном планировании, ведении войны с целью достижения благоприятного и долговременного равновесия. Таким образом, военная стратегия занимала свою нишу в более широком контексте внешней политики, которая была инструментом, способным с точки зрения теории обеспечить использование силы для достижения национальных интересов, в то же самое время не вмешиваясь в определение этих самых национальных интересов, однако исходя из выполнимости поставленных задач.

В этом случае военная стратегия переводила на элементарный язык вооруженных действий все то, чего не удалось достичь коммуникативными и политико-дипломатическими средствами. Составной частью военной стратегии являются мобилизационные и фортификационные планы, военные доктрины и приказы, планирование военной выучки, планы вооружений, эффективность военного аппарата, военных институтов и т.п. Совершенно очевидным является рассмотрение данных сюжетов в контексте мобилизации глобальных экономических, сырьевых, человеческих, военных ресурсов.

Военная стратегия может быть интерпретирована не как комплекс инструкций, но как процесс постоянной адаптации к меняющейся обстановке перехода от политико-дипломатической фазы к вооруженному конфликту. Эта трансформация происходит в двух случаях. В первом, когда существует потенциальная внешняя угроза, например, наличие политически враждебных государств. Во втором случае, когда выбирается момент для изменения с помощью силы политико-стратегического равновесия.

⁵⁸ Например, см.: Grand Strategy in War and Peace. Ed. by P. M. Kennedy. Ld.: George Allen & Unwin, 1979; Baylis J., Booth K., Garnett J., Williams Ph. Contemporary Strategy. Theories and Policies. Ld.: Croom Helm, 1976; Trachtenberg M. History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991; The making of strategy. Rules, states and war. Ed. by W. Murray, M. Knox, A. Bernstein, Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁵⁹ L'esercito italiano tra la prima e la seconda guerra mondiale (novembre 1918–giugno 1940). Roma SME US, 1954; L'esercito italiano alla vigilia della seconda guerra mondiale. Roma: SME US, 1982

⁶⁰ Stefani F. La storia delle dottrine e degli ordinamenti dell'Esercito italiano. Vol.2. T.1. Roma: SME US, 1985; Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925–luglio 1939) // Storia contemporanea. 1979.N2; Minniti F. L'Ipotesi più sfavorevole. Una pianificazione operativa italiana tra strategia militare e politica estera (1927–1933) // Nuova Rivista Storica. 1995. Fasc. III. P.613–650.; Minniti F. Fino alla guerra. Strategie e conflitto nella politica di potenza di Mussolini. 1923–1940. Napoli, ESI, 2000; Rochat G. Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia. Studio e documenti 1932–1936. Milano: Franco Angeli, 1971.

Как показывает историческая практика, не всегда «запрос» со стороны политического руководства может получить адекватное «предложение» со стороны военных кругов. Наличие или отсутствие таких планов показывает способность или неспособность вооруженных сил к военным действиям. В таком случае переход от дипломатических действий к вооруженным чреват трудным и дорогостоящим вариантом пробы сил на наземном, морском и воздушном театрах военных действий. Вышесказанное относится не только к оценке военно-политической стратегии фашистской Италии, но и других стран⁶¹.

Прежде, чем приступить к рассмотрению заявленной темы, важно определить место самой фашистской Италии в международном балансе сил. Не без оснований можно утверждать, что вплоть до поражения Италии в греческой войне страна являлась крупной региональной державой на протяжении всего периода после первой мировой войны. Занимаемое ею место определялось, прежде всего, стратегическим положением, сопоставимым с Великобританией, Францией и Германией военным и экономическим потенциалом. Превращение Италии в маргинальное европейское государство происходит в процессе второй мировой войны и было связано с ошибочным политическим выбором фашистским руководством союзников в войне. Выбор военно-политического блока был обусловлен не обязательствами идеологического характера, но ошибочными оценками Муссолини тенденций мирового и европейского политического и экономического развития, потенциала и перспектив либеральных политических режимов. В этом плане можно говорить об идеологической «зашоренности» фашистского руководства и, прежде всего, Муссолини.

Фашистское руководство имело возможность достичь большинства планируемых им внешнеполитических задач с меньшими потерями и с другими союзниками.

В итальянской военно-политической стратегии 1920–30-х гг. оперативные военные планы были жестко отделены от принятия политических решений. По-существу, Муссолини лишь дважды вмешивался в процесс разработки военных операций: первый раз, когда принимал решение о вторжении в Эфиопию, и во второй раз, когда в марте 1940 г. распорядился об ускорении подготовки к войне с Францией и Великобританией. В первом случае подготовительная фаза заняла девять месяцев, а во втором случае – только два месяца до момента, когда Муссолини назначил время начала военных действий.

Это не означало деполитизации армии в прямом смысле этого слова. В одной из подписанных Муссолини военных директив утверждалось, что «война есть продолжение внешней политики»⁶². В дневнике министра иностранных дел Чиано имеется запись о состоявшейся встрече Муссолини с одним из разработчиков военных планов С. Висконти Праска. «Армия должна быть политической, но не в смысле «делать политику», что противоречило бы самой фашистской монополии и институциональным традициям, а в том смысле, что каждый солдат должен быть носителем политического идеала»⁶³.

Если говорить о военных целях, к которым стремилось фашистское руководство, то в числе таковых, наряду с экспансионистскими территориальными приобретениями, можно указать стремление превратить Италию в мировую державу, равную другим в поддержании мирового баланса сил.

В качестве главы правительства Муссолини имел возможность влиять на военные планы. В феврале 1927 г. было произведено разделение функций начальника Генерального штаба и начальника Генерального штаба сухопутных сил. Первый пост остался за маршалом Пьетро Бадольо, который вскоре был отправлен в Ливию в качестве губернатора с сохранением поста начальника Генерального штаба, а второй занял генерал Джузеппе Феррари. Согласно новому распоряжению военные практически были лишены возможности вмешиваться в формирование военно-политической стратегии. Это привело к тому, что глава правительства взял на себя не только политическую ответственность, как это было ранее, но и ответственность за непосредственную подготовку к войне, т.е. не только за принятие решения о

⁶¹ Minniti F. Fino alla guerra. P. 13–16.

⁶² Stefani F. La storia delle dottrine e degli ordinamenti dell'Esercito italiano. Roma: SME US, 1985. Vol.2. T.1. P.347–348.

⁶³ Ciano G. Diario. 1937–1943. Milano: Rizzoli, 1980. P. 178–179.

военных действиях, но также за подготовку средств и ведение самой войны⁶⁴. Разъясняя ситуацию с разграничением полномочий, начальник отдела военных операций полковник Марио Берти писал: «План военных действий должен быть составлен главой правительства, который поручает начальнику Генерального штаба разработку необходимых компонентов. Среди прочего он должен содержать трактовку следующих аргументов, некоторые из которых в силу их секретности могут быть переданы в устной форме:

1. Гипотезы военные и относительно военно-политической ситуации, разработанные на основе плана;
2. Военные и политические цели, которые намерены достичь посредством войны;
3. Используемые средства;
4. Общий оперативный план;
5. Оборона национальной территории;
6. Организация нации для ведения войны»⁶⁵.

Исходя из этого можно констатировать, что не только план войны в его различных политических компонентах, начиная от определения противника и целей, достигаемых с помощью оружия, но даже определение оборонительного или наступательного характера войны и форм стратегического взаимодействия трех родов войск были включены в компетенцию главы государства. Таким был избранный Муссолини механизм оперативного и стратегического планирования, который привел к тому, что «национальная оборона» стала всецело зоной ответственности правительства, а не верховного командования.

Следует заметить, что поиски новых взаимоотношений между политическим и военным руководством были спровоцированы утратой доверия к военным в годы первой мировой войны и затронули не только Италию. Политические круги стремились найти такую институциональную форму, которая обеспечила бы жесткий контроль с их стороны в отношении военных.

В Италии такое решение было достигнуто в 1927 г. Оно позволило главе правительства через начальника генерального штаба осуществлять контроль над разработкой военной стратегии. Впоследствии военные полномочия Муссолини постоянно усиливались, особенно после провозглашения империи и введения института двойного маршальства со стороны короля и главы правительства, что позволило Муссолини стать Верховным командующим всеми вооруженными силами как в мирный период, ущемив прерогативы короля, и также во время войны. На эту должность ранее претендовал начальник Генерального штаба.

Оперативный план вооруженных сил был среди наиболее важных компонентов военной стратегии. Обычно он состоял из шести под-планов: операций, обороны, информационный, мобилизационный, размещения сил, транспортных служб.

Общий контекст планов был таков, что они имели ориентировочный характер и не должны были сковывать верховного командующего в принятии решений. В архиве Военно-исторического отдела сухопутных сил хранится «Краткий меморандум оперативных планов», охватывающий период с 1923 по 1940 гг. В нем содержатся оперативные планы военных действий против Франции с 1926 по 1940 гг. и оперативные планы военных действий против Австрии и Германии, которые разрабатывались между 1929 и 1937 гг., а также планы действий против Югославии, Албании и Греции⁶⁶.

В 1923–1924 гг. разрабатывались оперативные планы морских сражений в случае возникновения греко-югославо-британской коалиции, ограниченной войны против Турции. Практически одновременно были даны указания искать возможности установления союзнических отношений с Великобританией, Францией и Грецией. Поддержание мира в Европе рассматривалось как условие для реализации итальянских колониальных захватов.

Планирование военных действий против Югославии и Франции осуществлялось, начиная с 1923 г. В феврале 1926 г. была начата разработка оперативного плана военных

⁶⁴ Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925–luglio 1939). P.209.

⁶⁵ Цит. по: Minniti F. Fino alla guerra. P.18.

⁶⁶ Minniti F. Fino alla guerra. P.37.

действий против Югославии. В ноябре 1926 г. были представлены планы действий по защите Сицилии, острова Эльба, Сардинии и вторжения на Корсику.

Новый этап военно-стратегического планирования относится к 1927 г., когда Муссолини во время заседания с участием начальников штабов трех родов войск заявил о том, что необходимо вести систематическую подготовку к войне с тем, чтобы через пять лет подготовиться к войне предположительно против Югославии. Таким образом военное планирование было признано важнейшим компонентом военной политики. Речь шла об одновременном планировании сухопутных сил, воздушных соединений и морского флота.

Справедливости ради следует отметить, что на политическом и военном уровнях обсуждались одновременно союзнические отношения с Францией и Великобританией против немецкой угрозы. В июле 1925 г. на основе политической директивы Муссолини был разработан первый оперативный план военных действий против Германии с целью предотвращения аншлюса Австрии. А в конце 1927 г. Муссолини обсуждал с французским послом возможность совместных действий в защиту австрийской независимости в обмен на колониальные уступки⁶⁷.

В марте 1927 г. был разработан план высадки итальянских войск в Албании.

В 1929–1931 гг. итальянские планы наступления против Югославии оказались под большим вопросом. Франция и Югославия на уровне генеральных штабов согласовали планы военных действий в случае итальянской агрессии. Итальянское военное руководство признало итальянские вооруженные силы неспособными вести войну на два фронта. И хотя к концу 1929 г. план военных действий одновременно на двух фронтах был подготовлен, его реализация рассматривалась как крайний и неблагоприятный сценарий. Планы нападения на Югославию⁶⁸ были перенесены на 1933–1934 гг.

С конца 1930 г. в Риме всерьез начинает обсуждаться план сближения с веймарской Германией против Франции. В декабре 1930 г. Муссолини заявил в своем ближнем окружении: «Теперь против Германии мы не можем более идти»⁶⁹. Вооружение Германии и повышение ее роли как мирового игрока рассматривались итальянским руководством как важный шаг для изменения европейского баланса сил в пользу Италии. Вместе с тем в Риме отдавали себе отчет относительно опасности подобной игры. Чтобы нейтрализовать германскую экспансию и обеспечить европейскую стабильность для успешного ведения колониальных войн, Муссолини предложил пакт четырех.

В феврале 1932 г. министр иностранных дел Д. Гранди посоветовал зам. начальника⁷⁰ генерального штаба П. Гадзере начать разработку военных планов против Эфиопии. Спустя полгода Муссолини отдал распоряжение министру колоний Э. Де Боно подготовить план военных действий против Эфиопии, работа над которым была завершена в конце 1933 г. В качестве политических условий для реализации плана были названы согласие или активное сотрудничество с Великобританией и Францией. В связи с расхождениями во мнениях относительно военной составляющей плана Муссолини принял решение о возвращении маршала П. Бадольо из Ливии после 5-летнего исполнения им обязанностей губернатора и поручил ему полностью сосредоточиться на исполнении обязанностей начальника Генерального штаба.

На европейском направлении итальянская дипломатия форсировала заключение Пакта четырех. Однако итало-французские трения из-за Югославии не были устранены. Муссолини не исключал возможности превентивной войны с одной Югославией (план Р6). На всякий случай также разрабатывались планы военных действий на двух фронтах – против Югославии и Франции (план Р5). В связи с этим вновь начал обсуждаться германский вопрос. Несмотря на опасения относительно обострения итало-германских противоречий, в итальянских правящих кругах надеялись, что германская экспансия будет направлена на европейский север и восток⁷¹.

⁶⁷ Ibid. P.43, 51.

⁶⁸ Minniti F. Fino alla guerra. P. 61, 64, 69.

⁶⁹ Цит. по: Minniti F. Fino alla guerra. P. 67.

⁷⁰ Knox M. Il fascismo e la politica estera italiana. P.320.

⁷¹ Minniti F. Fino alla guerra. P. 75–77.

Основная проблема в разработке военной стратегии заключалась в несоответствии военных возможностей поставленным политическим задачам в силу ограниченных финансовых и технических возможностей. Отсюда мы находим некоторую абстрактность в найденных военных решениях как при планировании, так и в военной доктрине.

Подводя итоги рассматриваемому периоду, можно отметить, что в 1920-х – начале 30-х гг. европейская стратегия Италии опиралась на два основополагающих элемента – безопасность в Европе и экспансию на африканском континенте. В европейской политике речь шла о поддержании независимости Австрии и предотвращении австро-германской коалиции. С приходом Гитлера к власти в январе 1933 г. в европейском балансе сил появился новый сильный и динамичный актер – нацистская Германия. Продолжение предшествующей политики стало невозможным. Определение отношения к Германии стало важнейшим элементом в политическом и военном планировании в Италии.

Е.В. Журихина

СМЕНА КУРСА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1941 г.

Период Второй мировой войны стал переломным этапом в истории Коммунистической партии Великобритании (КПВ). В руководстве партии понимали, что военная обстановка может дать шанс для решительных действий. Но воспользоваться историческим моментом в полной мере коммунистам не удалось как из-за противодействия правительства, так и из-за политики, проводимой Коминтерном.

Курс, проводимый компартией в годы войны, неоднократно менялся. Выработка официальной позиции по вопросам об оценке характера войны и определения целей рабочего класса становилась поводом для ожесточенной внутривнутриполитической борьбы. Разрываясь между необходимостью следовать рекомендациям из Москвы и стремлением отражать взгляды большинства своих членов, руководство партии неоднократно меняло официальную позицию по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики Великобритании. Очередная радикальная смена курса произошла в июне 1941 г., после нападения нацистской Германии на Советский Союз.

Трансформация официальной линии партии прошла быстро, но вызвала ряд серьезных последствий. Сложность ситуации заключалась в том, что в течение небольшого промежутка времени КПВ отказалась от выполнения задач, сформулированных в октябре 1939 г., на пропаганду и реализацию которых были потрачены огромные ресурсы.

Радикальное изменение курса партии в 1941 г. стало важным событием в истории левого движения в Великобритании, оказавшим воздействие на восприятие коммунистов в британском обществе. Обращение к данному эпизоду истории Коммунистической партии Великобритании позволяет показать непростую ситуацию в которой оказались коммунистические партии по всей Европе в годы Второй мировой войны.

Тридцатые годы XX в. в Европе проходили в предчувствии войны, неизбежность конфликта и нового кровопролития для большинства интеллектуалов и политиков была очевидна. Но каждая партия и каждое политическое движение по-разному расставляли акценты и по-своему определяли задачи в грядущем столкновении.

Отношение к войне и политика в военное время являлись важнейшими вопросами и внутри общеевропейского коммунистического движения. Однако жесткий диктат Коминтерна не оставлял партиям на местах выбора и возможностей для маневра. После вступления Великобритании в войну руководство КПВ самостоятельно сформулировало т.н. концепцию «борьбы на два фронта», которая предусматривала как оказание сопротивления фашизму, так и продолжение борьбы с правительством Н. Чемберлена. Данная позиция нашла широкую поддержку среди рядовых коммунистов, но противоречила интересам Кремля. В конце сентября – в начале октября 1939 г., сразу же после получения инструкций от Коминтерна, в результате прямого вмешательства Москвы, руководство КПВ отказалось от первоначальной линии.

С октября 1939 г. по 22 июня 1941 г. компартия Великобритании следовала курсом, продиктованным Коминтерном. Основная задача британского рабочего класса в период «империалистической», «неправедной» войны заключалась в формировании народного правительства,